

Вечерело. По противоположному берегу речки кто-то шел. Степан взял бинокль, посмотрел. Шел старый эвенк. С большим и тяжелым рюкзаком, с палкой, без оружия. И шел напрямик сюда. Степан подозвал маршрутного рабочего Алексея Ивановича (деда), показал на эвенка, велел поставить чай.

Часть отряда Степана только что прилетела на эту точку, лагерь толком еще не обустроили. Только палатка «штабная» стояла, да рация. Степан уже связался с базой партии, доложил, что все в норме и переговорил с маршрутными парами своего отряда. Все работали далеке друг от друга, но отряд все-таки был один, естественно, и цели были общие. У всех был порядок. Да иначе и быть не могло. Некоторым своим геологам Степан верил больше, чем себе. Отряд был как на подбор (да так оно и было)!

Место Степану понравилось сразу. Особенно после устья Чильчи, где и залесенность была приличная, и сразу вся кровососущая тварь толпами летала. А тут... плато, тысяча пятьсот — тысяча семьсот метров над уровнем моря. Видимость изумительная, виды — сказочные, проходимость — чудо, обнаженность — прелесть. Все условия для работы геолога. Плюс ко всему — речка, наверное, с харьюзами. И никакая нечисть не летает. Сказка, а не площадь! Вообще-то, с этого плато стекали три речки. Тас-Юрях несся к Олекме, а Имангакит и Имангра «падали» в Витим. Степан с двумя рабочими высадился на Имангаките. Работы здесь было много, и Степан до сентября надеялся «отсидеться» тут, пока не спадет внизу жара. Да и желающих напиться твоей крови гадов станет снизу поменьше.

Пока мастерили стол и лавки, и чай вскипел, и эвенк подошел к лагерю. Вброд перешел речку. Поздоровались, познакомились. Иван Михайлович. А фамилия уж больно знакомая. У Степана «мелькнула» какая-то догадка: такую фамилию он уже в этих краях встречал, и фамилия-то редкая... Ладно, это потом, сначала чай. Старик сбросил тяжелый рюкзак, присел за стол, взял кружку... помолчали, приглядываясь друг к другу. Степану гость понравился. Лет шестьдесят мужику. Волосы седые, сухое морщинистое лицо, чувство собственного достоинства присутствует. Одет по-таежному, все подогнано, опрятно. Эвенк сделал несколько глотков из кружки, попробовал угощение, потом внимательно посмотрел на Степана и спросил:

— А начальник кто тут будет, ты?

Степан утвердительно кивнул головой:

— Да, я тут начальник.

— У вас оружие с собой есть?

— Есть, конечно. Аж два: ТОЗ-34 — мое, «Белка» — служебное.

Степан показал ему ружья, не понимая, к чему собеседник клонит. Но он знал, что с эвенками чем честнее, тем лучше для тебя.

Старик со знанием дела осматрел оружие, похвалил, потом неожиданно спросил:

— А ты дикого оленя от домашнего отличить можешь?

— Только если их поставить рядом! — с чего Степану душой-то кривить?

Эвенк засмеялся, потом показал на тяжелый рюкзак:

— Так, значит! Мяса я вам принес. Закончится, принесем еще. Только здесь не стреляйте совсем: рядом пасется большое стадо, олени могут выходить прямо к вам на лагерь. Не стреляйте, это наши. Выше по речке у нас летнее стойбище и кораль.

Степан подозвал обоих рабочих, показал на мясо, при эвенке запретил им прикасаться как к патронам, так и к ружьям. Спросил, есть ли у оленеводов оружие.

— У всех есть. В основном, СКСы.

— Хорошо, Иван Михайлович, ружья мы не достаем вообще. Скажите, а у вас есть сын Венька? — у Степана уже «встало все на свои места».

— Есть! У меня сыновей аж четыре. А ты Веньку откуда знаешь?

— Давно когда-то брали в вашем колхозе две связки оленей. Он с Санькой каюрил. На Юс-Кюель ходили, и не только.

— Ну и как? — эвенк вопросительно прищурился.

— Великолепно! Вспоминаю только добром. Они здесь?

— Санька — в другой бригаде сейчас работает, а Венька — здесь, километрах в десяти отсюда, новый кораль строит. А ты, значит, тот геолог, о котором они рассказывали?

— Наверное, тот, Иван Михайлович. Как бы мне Веньку увидеть, поговорить бы. Мы тут месяца полтора стоять будем.

— Ну, если ты «тот геолог», то у тебя тут проблем не будет. А с Венькой обязательно увидитесь. Приходи в гости на кораль, посмотришь, как оленей клеймим, поговорим. А это место...

Узнал много нового про эти места Степан. Это плато эвенки называют Чайндигит (Место встречи). Здесь самое великолепное в округе летнее пастбище. И ягеля достаточно, и нет паутов и прочих кровососов. Одна только тут беда: на речных террасах бывает очень много грибов. Олени разбредаются в поисках этого лакомства, собрать их — проблема. Медведь заходит только иногда, а вот волки шалят. И, бывает, хорошо шалят. Так что работы хватает.

С давних пор эвенки с Нюкжи перегоняли сюда на лето стада оленей — места хватало. А осенью здесь всегда была большая ярмарка. Съезжались эвенки со всей округи: торговали, веселились, тут же и женились. Потому и плато так называли: Чайндигит. Ну а потом, когда всех загнали в колхозы, ярмарок не стало, но место это так и закрепили за ними, хотя это уже Читинская область. Но кто, когда и где учитывал интересы коренного населения, когда проводили границы административных районов? Однако пастбище свое нюкжинские эвенки отстояли. Благо, не совсем оно удобно для якутских и читинских пастухов. Да и оленеводов, как и эвенков-пастухов, осталось мало.

Уже стемнело, когда Иван Михайлович собрался уходить. Степан забеспокоился: как же он в темноте пойдет. Гость засмеялся:

— Да я тут с детства каждую тропку знаю. Могу с закрытыми глазами, в полной темноте в любое место выйти!

— Убедили! — Степан успокоился. — А женщины и дети сейчас при стаде есть?

— А то как же! Летом мы только семьями сюда перебираемся!

— Тогда подождите немножко.

Степан отозвал Алексея Ивановича, тихо сказал:

— Иваныч, положи в рюкзак ему сгущенки, конфет. Посмотри сам, что еще можно положить, и не жалея, скоро будет борт, привезут всего.

Дед даже обиделся:

— С чего бы я жалел? Вон оленины сколько приволок! Я уже посмотрел: мясо отличное. А можно еще сигарет положить — у них это вечная проблема. Да и сала можно дать, у них наверняка нет. Да и ты хорош: про баб и детей вспомнил, а про мужиков забыл!

— Каюсь, Иваныч! Действуй.

Пока Степан обсуждал с эвенком прелести Чайндигита, дед принес рюкзак. Степан показал Ивану Михайловичу:

— Это вашим. Возьмите с собою. А за мясо — огромное спасибо. Обещаю: ружья даже расчехлять не будем.

— Не забудьте: как съедите мясо, дайте нам знать. Или сами приходите, — эвенк показал вверх по течению речки. — Мы стоим километрах в семи выше по речке.

Степан проводил Ивана Михайловича до переката, там и распрощались. Посмотрел, как тот перешел речку и уверенно направился вверх по течению. Постоял, наслаждаясь тишиной и покоем. «А везет же мне на хороших людей!» — думалось легко и свободно, душу обволакивала благодарность ко всем, с кем приходилось делить кусок сухаря, с кем было пройдено столько дорог, что иногда и представить-то сложно. «Спасибо Судьбе за то, что они были рядом со мной!»

Повернулся, пошел к лагерю. В приямке под берегом услышал всплеск. Хариус! Эх, не спросил у Ивана Михайловича ничего по поводу рыбалки! Ладно, разберемся сами. Не торопясь пошел к лагерю.

Пока Степан был занят с Иваном Михайловичем, дед с бывалым мужиком Сергеем (по рекомендации взяли в Зее) поставили палатку и себе, устроили нары, расставили все по раз и навсегда установленному порядку. Лагерь выглядел со стороны просто сказочно: на черном, с синевой небе — огромные звезды, палатки светятся изнутри мягким светом, из труб вьется легкий дымок... и тишина...

Прохладное утро было просто чудесным. Алексей Иванович уже возился у костра и, как всегда, беседовал со щенком (первым его врагом и лучшим другом). Тот терпеливо слушал Ивановича: давно понял, что дед хоть и ворчит на него постоянно, но все равно не обидит, какой-никакой «вкусняшкой» угостит.

На сегодня Степан наметил обзорный маршрут, однако хотелось кое-что сначала выяснить. Взял удочку, спустился к речке. Мушка ушла по течению, леска натянулась... выпрыгнули сразу два хариуса, в воздухе столкнулись, упали в воду. Степан от удивления замер. Никогда раньше такого не видел! Пока переживал удивленное, еще один хариус атаковал мушку! Минут через пятнадцать на берегу «отдыхали» их уже десятка два. Для первого раза хватит! Хариус небольшой, но какой-то очень уж ладно «скроенный», и чисто-серебристый, без фиолетового оттенка. Красивая рыбка!

Степан быстро почистил добычу, нанизал на прутик, пошел хвастать перед дедом. Не тут-то было: на камнях у костра уже стояла сковорода, а в ней шипело масло! Иваныч все видит, все знает!..

После завтрака Степан взял карты, компас, бинокль, молоток и полез в гору. Нужно было для начала «привязаться» на местности: «И где же мы есть?»

Бегло осматривая породы, Степан поднимался все выше и выше. И чем дальше «отодвигался» противоположный склон, тем больше ему не нравились окружающие сопки. Что-то было в них «не то»! Поднялся еще выше... достал карту... точно, не те сопки! Нет... сопки вроде бы «те» и изгиб реки — «тот», и правый приток — «тот»! Но почему в верховьях этого притока всего одна вершина, а не две, как на карте? С ума можно сойти! В конце концов додумался взять следующий лист карты. Сложил их вместе... мама моя! Два параллельных правых притока похожи, как близнецы! Повторяются все изгибы, все повороты, только у одного истока — одна высокая вершина, а у другого — две!

Не туда сели! Что за сезон такой: одни мелкие пакости! Марата высадили тоже не туда, палатка сгорела у них же, начальник партии лопасть винта вертолета погнул о кабину ГАЗ-66, Степан на первой же точке пожар учинил: от потухшего уже костра загорелся подлесок на косе. И, главное, все быстро и легко исправлялось. Что теперь ждать от Судьбы? Большой Пакости?

Удрученный, Степан спускался вниз. Как же перед начальством оправдываться? Косяк он и есть косяк: на десять километров ниже по течению выбросились! Позор джунглям. Вдруг на глаза попался кусок кварца. Машинально поднял его, осмотрел... и сел, где стоял! Гранулированный кварц! То, что нужно! «Грязноват», видимо, но это уже определяют в лаборатории: какие в нем примеси и сколько их. Сейчас главное то, что он есть!

Степан мигом спустился к палатке, разложил на столе необходимую документацию: проект, геологические карты района, геолздание. Через полчаса нашел все, что нужно было. Нет худа без добра! Оговорено было в проекте (сам писал, молодец!), что при необходимости возможно изменение контуров поисковых площадей, было бы обоснование. За обоснованием дело не стало. Да и гранулированный кварц — вон он, куда его денешь? К сеансу связи у Степана все было готово.

Как и ожидалось, возражений со стороны руководства не последовало. Степан обследует здесь все, что можно, и перебрасывается на проектную точку. Все, можно работать. И канавы можно сразу же задавать! И через пару дней отряд должен посетить вертолет. Прилетит с проверкой начальник партии, нужно подготовить документы. И хотя бы один маршрут сделать. Короче, хоть разорвись! Два дня пролетели — не успели оглянуться. Даже порыбачить толком некогда было. Настал третий.

С самого утра Степану что-то погода не понравилась: порывистый ветер, на небе — «ведьмины хвосты». Вышел на связь. Начальник партии заверил, что борт в обед выйдет из Тынды...

День прошел в трудах, заботах и в ожидании, вперемежку с рыбалкой. Ближе к вечеру спустился туман. Борту, естественно, нет. Вышел на вечернюю связь. Вот это новости! Борт был у Марата, у Храмова, у Середы. У Веры его не было, и в Тынду он не вернулся! Вот это да! Неужели вот она, Самая Большая Подлянка! Степан посмотрел карту, хотя и так знал ее наизусть. В том районе, где работала Вера — самый «паскудный» рельеф: сплошные гольцы и цирки! Господи, неужели... не хотелось и думать об этом. Может быть, сел в Усть-Нюкже?

Ночь прошла без сна. Утром — опять на связь. Нет нигде борту! В Усть-Нюкже — тоже нет! Никто в маршруты не пошел, договорились выходить на связь каждый час: вдруг у кого-то борт объявится! Погода — дрянь: то дождь и туман, то солнце, резкий порывистый ветер... а уж настроение... хуже, чем погода!

В одиннадцать часов порадовала Вера: был борт! Подробности у Андрея Павловича. Господи, живы! Степан приготовил ракетницу и патроны.

Минут через сорок из-за сопки вынырнул и Ми-8. Ракета, другая... увидели! Вертолет сделал круг, плюхнулся на площадку, заглушил двигатель. Экипаж знакомый — из Благовещенска, и начальник партии собственной персоной. Все взъерошенные, помятые какие-то... Радости от встречи не было предела. Сразу же Иваныч организовал обед, сели за стол, стали делиться впечатлениями.

Оказывается, «прижал» их вчера в горах туман, да такой, что не приведи Господи! К счастью, вертолетчики этот район знали прекрасно, нашли знакомую площадку, сели почти на ощупь и всю ночь там «куковали». И на связь не могли выйти — вертолетная радиостанция в горах — вещь бесполезная. Продукты-то были, но люди замерзли, как собаки. Все это вспоминалось уже со смехом, что ж теперь-то не посмеяться?

Коротко переговорили с начальником о дальнейшей работе отряда. Веру, как она закончит работу на своей точке, перебросят сюда, а потом отправят в отпуск. Храмова — тоже в отпуск. Степан заверил, что справятся без них. Поработал отряд отлично, если есть возможность отдохнуть осенью, пусть отдохнут. Тем более у них дома серьезные дела есть. Храмов Сашка ждал первенца, а Вере дочь нужно отправить в школу. Ну а всех остальных по окончании работ на своих точках перебросят на последнюю большую площадку на Ньюкже. Все, претензий нет, уже можно сказать, что отряд сработал хорошо!

Степан передал начальнику бумаги, снабдил всех гостей только что выловленными хариусами. И погода резко улучшилась. Вертолетчики заторопились... ну и ладно, до встречи!..

И начались у Степана трудовые будни. Маршрут, маршрут, маршрут, документация канав, маршрут и т. д., и т. п. Ну а хариуса было в речке столько, что с собой Степан брал только солдатский котелок, соль и хлеб. В обед ставил котелок на огонь. Пока вода закипала, он отлавливал и чистил десятка два серебристых рыбок. Варил «тройную» уху, хариуса на двоих со щенком хватало, запивал обед жирным вкусным отваром. Просто великолепно устроились! Причем клев был в любую погоду и в любом месте. Сколько же той рыбы в небольшой речке?!

Не поленился Степан, как-то завернул из маршрута на точку, куда надо было скоро перебрасываться, выбрал место для лагеря. Не место — мечта геолога! Высокая терраса, под террасой — яма с хариусами; все это — на фоне гольцов, по пойме — фрагменты лиственничной тайги, прекрасная видимость. А высокое чистое небо располагало к размышлениям. Грязь с души отваливалась прямо-таки кусками. Все прекрасно! Осталось только перелететь.

Пару недель ударной работы пролетели незаметно. Пора было перебазироваться. Дед, как всегда, ворчит, все ему что-то не так: и геологи не те пошли, и палатки раньше лучше были, и продукты были вкуснее, и собаки измельчали... Степан привык уже за несколько лет к его ворчанию. Главное то, что все будет уложено, упаковано и пересчитано. Не дед, а «клад» натуральный!..

На этот раз перебросились удачно, и туда, куда нужно было...

Пора бы уж и навестить эвенков, тем более от них теперь недалече стояли. Да и мясо заканчивалось. На следующий день, после обеда, Степан бросил в рюкзак несколько банок стущенки, сигареты, конфеты, пошел к коралю.

На подходе к стоянке услышал какие-то крики на эвенкийском языке. Догадался: оленей клеймят и считают! Подошел поближе. Действительно, было на что посмотреть. В большом загоне по кругу носились ошалелые олени. Время от времени открывался проход в узкий коридор (все — из жердей). Когда в коридор набивалось их штук десять, проход закрывался. Здоровенный эвенк (несмотря на жару, в телогрейке и ватных штанах) хватал бедолагу за рога, осматривал, истошным голосом орал: «Чачарэ!» или «Чанаку!», что-то добавлял еще, другой парень ставил клеймо, после чего приоткрывался проход в следующий загон, этого оленя пинками отправляли туда. Потом принимались за следующего. Освобождали таким образом коридор и запускали следующую партию. У изгороди стояли две женщины и записывали что-то в тетради. Присмотревшись, Степан понял, почему этот здоровяк напялил в такую жару ватник: метался тот среди леса острых уже рогов, вся одежда его была похожа на рвань.

Невольно Степан вспомнил, как пару лет назад вломился на маршруте в обгорелый стланик. Пожар только опалил когда-то зеленый массив, но стланик умер и высох на корню... Часа через два Степан кое-как выполз оттуда, весь в саже и рвань... Но там хоть сухие, как кость, ветви и сучки не металась по узкому пространству и не мотались, как сумасшедшие. А здесь... да, не позавидуешь такой

работенке! И олень-то не чукотский! По крайней мере, раза в три больше. А быки вообще поражали своей мощью и размерами. И рогами, конечно.

Иван Михайлович заметил Степана, подошел. Поздоровались, поинтересовались делами друг друга. Подошли еще пастухи, и среди них — Венька! Узнали друг друга сразу, обнялись. Как Венька повзрослел! Настоящий мужик стал. Пока хлопали друг друга по плечам и предавались воспоминаниям, работа была закончена, парень — здоровяк из загона, — срывая на ходу ватное рванье, побежал к речке. Венька засмеялся:

— Шибко здоровый! Поэтому ему больше всех и достается. Я вот с таким, — показал на здорового рогача, — не справлюсь ни за что. А он — запросто! А вон и отец зовет обедать. Пошли!

Жили эвенки семьями в палатках, поставленных по особому, им только известному способу. Между палатками все убрано, даже подметено. Расстояния, на случай пожара, тоже строго выдержаны. Вот и палатка бригадира.

Степана поразила идеальная чистота и порядок как в палатке, так и вокруг нее. Все аккуратно разложено, подвешено, подвязано. Ничего лишнего, а все необходимое есть. Сели прямо на подстилку, на полу — импровизированная скатерть. Отварная по какому-то особому рецепту оленина, свежие лепешки, топленое масло, чай. Все просто и вкусно. Иван Михайлович вопросительно посмотрел на Степана:

— Молоко оленье попробуешь?

— Отчего же нет? Конечно, попробую! — Степан уже убедился, что вреда от их еды ему не будет.

Старик подозвал невестку, что-то ей сказал. Та взяла чистую кружку, вышла. Минут через пятнадцать принесла удой, подала Степану. Молока было меньше половины кружки, и оно что-то подозрительно не плескалось.

Иван Михайлович рассмеялся:

— Не вздумай его просто так пить! Мы сами этого не делаем: уж очень оно жирное. Только добавляем в чай.

Молоко тянулось, как густые сливки. Но на вкус — нормально. Вроде бы как ягелем отдает. Или показалось: знаешь ведь, что оно — оленье!

Говорили обо всем, но в основном о том, что эвенкам ближе. И особенно о БАМе. Много проблем принесла им эта стройка. Отчасти наивные (с точки зрения Степана) рассуждения поражали глубоким пониманием проблемы. Иван Михайлович говорил спокойно, с расстановкой:

— Ну хорошо, нужна была железная дорога. Кто спорит? Конечно, нужна! Но куда торопились? В Усть-Нюкже делали стыковку двух участков. А насыпь была не готова. Так километров десять дороги протянули прямо по Нюкже. На лед положили шпалы, на них — рельсы, пустили тепловоз. Праздник был, прямо-таки скажем, большой. Состыковались! Веселились до упаду. А потом долго-долго все переделывали. Ломали, опять делали, и опять ломать будут! А те рельсы со шпалами Нюкжа весной в Олекму унесла! Ну ладно, о нас не подумали. Но об оленях могли бы подумать! С пастбища на пастбище перегонять их теперь через железную дорогу — мука из мук! По одному перетаскивать приходится! Ну могли же какие-то переходы устроить! Разве этих оленей мы для себя растим?

А строители! Совсем дикие какие-то люди! Что увидели, то и стреляют! Домашний олень или дикий, сохатуха с теленком, им все равно! Речку Саку три раза так травили, что теперь даже мох на камнях не растет! А там харьюза по килограмму ловились! Хани — тоже досталось! На тридцать километров в обе стороны от БАМа — ни зверушки, ни птички, ни рыбки! До Чайндигита, слава богу, не добрались!

Что сказать Степану? Молчал да поддакивал. Сам все это видел. Одно успокаивало: строительство закончено (в основном), «энтузиасты» разъехались, антропогенная нагрузка на регион резко уменьшилась. Что-то, конечно, восстановится...

Поздним вечером Степан, возвращаясь с рюкзаком, набитым мясом, размышлял о разговоре с Иваном Михайловичем. Конечно, он прав. Это их родина, их земля; здесь жили их предки, здесь будут жить их потомки... А с их интересами совсем не считаются.

На вечерней связи порадовала Вера: закончила ревизионную точку, и можно перебрасывать ее к Степану. Нужно утром заказывать борт и сделать что-нибудь особенное. Пошел советоваться к деду. Тот не спал: как всегда, курил перед сном.

— Иваныч, Веру перебрасывают к нам. Что бы придумать такое особенное, чтобы она и Сашка маленько очумели?

— Я знаю что! — дед показал на речку. — Давай завтра с утра дуй на рыбалку, а я котлет наделаю!

— Из харьюзов? — до такого Степан бы не додумался. — А как мясо от костей отделять будем? Хариус-то, мелкий!

— Из харьюзов! Мясорубка у нас есть, сало есть. Харьюзам головы — долой, и вместе с костями перемолоть! Короче, лови рыбу, я все сделаю сам...

Через пару дней прибыл вертолет. Начальник партии привез Веру, ее мужа с собакой. Винты пилоты не глушили, начали разгрузку так. Степан подошел к кабине: опять знакомые лица!

— Глуши двигатель, Сергей, пошли обедать!

— А что у вас на обед? — командир высунулся из окна.

— У нас сегодня рыбный день!

— У... В Тынде тоже сегодня рыбный день! — тут у него что-то «щелкнуло». — А что у вас за рыба?

— Уха из хариуса, котлеты из хариуса, хариус жареный, хариус вяленый, хариус соленый и хариус живой!

Лопасты винта повисли. Через пятнадцать минут все сидели за столом, а дед потчевал гостей своими рыбными деликатесами. Ели, отдыхали... и опять просили добавки. Заодно обговорили с Андреем Павловичем свои проблемы. Собственно говоря, проблем-то и не было. Партия прекрасно справлялась с заданием, были и находки. Получены уже и первые анализы. На Чайндигите кварц низкого качества, но площадь доработать все-таки нужно. А вот Храмов зацепил южнее очень хороший кварц. И запасы, видимо, будут приличные. Придется писать зимой дополнение к проекту и разворачивать более серьезные работы...

Степан был очень доволен. Во-первых, за Сашку Храмова рад, во-вторых, проект, по которому работали, писал он сам. Прогноз, в целом, оправдывался, а в-третьих, можно со спокойной совестью Веру и Сашку отпускать в отпуск...

Оставшиеся три недели работы на Чайндигите Степан потом вспоминал всю жизнь. Ни до, ни после не было больше такой спокойной, уверенной работы, как там. Добрососедские отношения с эвенками, чудесная природа, незабываемые, врезавшиеся в душу виды, плодотворные маршруты, танцующие в ямах хариусы... не было больше таких площадей!.. Часто пастухи заворачивали на лагерь, один раз в неделю рабочие ходили к коралю за мясом. Степан поражался быту и жизни эвенков. Рациональность, умеренность во всем, разумность поведения в непростых ситуациях... Опыт, накопленный многими, многими поколениями... Удивляла их скромность, тактичность вкупе с чувством собственного достоинства. И умение «читать» топографические карты.

Однажды, ближе к вечеру, к Степану прибыли на неизменных уचाгах сыновья Ивана Михайловича Андрей и Иван. Повод, как оказалось, для встречи был: Верин пес Барсик покусал оленя. Разговор начался по-крупному. Эвенки потребовали, чтобы собаку привязали (щенок — не в счет), иначе они попросту Барсика пристрелят. Степан попытался оправдаться:

— Ребята, так ведь эти олени по утрам чуть ли не в палатку заходят!

— Слушай, Степан. Эти олени ходили тут и сто, и двести, и тысячу лет назад. Это их тропа. — Иван спрыгнул с ухага. — Как им можно приказать, чтобы они сюда не ходили? Вы прилетели и улетели, а им тут жить. И нам вместе с ними!

Степан вдруг остро, душой понял очень простую вещь. Это для него дом — квартира в поселке на Нижнем Амуре или хата на Дону, в которой он родился. А для этих эвенков дом — это Чайндигит, олени, речка, тайга, гольцы... они тут рождаются, женятся, умирают... Они тут живут. И, как бы хорошо они к геологам ни относились, все равно это гости. А гости когда-нибудь надоедают, особенно бесцеремонные.

Степан позвал мужа Веры Сашу, объяснил ситуацию, приказал Барсика привязать. Такой поворот событий эвенкам понравился. Заговорили уже по-мирному. За какой-то надобностью им нужно было тут переночевать. Степан обрадовался: было о чем поговорить с ребятами. Устроили дополнительные нары, разгрузили оленей. Послезавтра все стадо откочевывало километров на двадцать, так что уже в гости друг к другу не находишься, поэтому эвенки привезли и много мяса. Потом Степан понял, что это была еще одна с их стороны проверка «на вшивость»: как он отнесется к претензиям хозяев (хотя Барсик действительно слегка «цапнул» оленя)...

Проговорили всю ночь. Оказывается, они каких-то оленшков, слишком уж самостоятельных, отлавливали. Поэтому по очереди и выбегали из палатки при каждом подозрительном шуме. Отловили все-таки под утро. И говорили, говорили, говорили. Узнал Степан и про плантацию золотого корня (родиолы розовой) на Имангре, которую «выкосили» геологи Зейской экспедиции (буровая у них там, на золото бурят), и о пропадающих периодически оленях, и что бывает с высокогорной тундрой, когда техника сдирает слой мха... и много-много чего.

Что мог обещать Степан? Нашествие цивилизации не остановить. А вот какие меры предпринимать против любителей поживиться чужим добром... кто знает? Официальный хозяин известно кто: государство. А ему глубоко плевать на проблемы какой-то кучки аборигенов. Единственное, в чем он мог заверить эвенков, так это в том, что искомого кварца тут нет, а значит и тяжелой техники тут не будет. Как и пришлых людей.

Расстались друзьями. Посоветовал Степан им никого в свой дом не пускать... но сам понимал: и кто их будет спрашивать! Не дай бог, «зейчуки» на Имангре «нарвутся» на промышленное коренное золото! Конец тогда Чайндигиту!.. Ни с кем и ни с чем не посчитаются!

... Улетали, как всегда, «резко, внезапно, вдруг». Неожиданный борт, спешные сборы. Степан оторвал деда от лихорадочных сборов.

— Иваныч, я эвенкам обещал спальный мешок оставить, брезентовый тент. Что мы можем оставить из продуктов? Конфеты и сгущенку я им последние отдал, когда они мясо привезли.

— Степан, все просто. Оставляем банки со щами-борщами, рыбные консервы. У них этого нет наверняка. Ты муку заказал? Значит, этот мешок тоже можно оставить: мука никогда лишней не бывает. Рис есть. Еще вот: можно пару топориков оставить, у нас в запасе есть. А им пригодится.

Решили — сделали. Все упаковали, спальник завернули в огромный кусок целлофана (пригодится и он), повесили на дерево: все готово.

Вертолет сделал круг, взял курс на юго-восток. Степан не отрываясь смотрел в иллюминатор, пока не кончилось плато. Начались дикие нагромождения скал и узких долин... Прощайте, добрые наши соседи! Прощай, Чайндигит, прощай!..

